



Годовая книга I-го издания:

Съ 12 вырванных картин:

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки . . .	4 р.	—	к.
— съ доставкой . . .	5	—	—
— съ пересылкою . . .	5	78	—
Въ Москвѣ безъ доставки . . .	4	78	—

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“

выходитъ въ числѣнствѣ 48 номеровъ въ годъ съ 1500 иллюстраціями
рисуемыхъ въ текстѣ, съ 12 страницъ заголовка, 12 страницъ иллюстра-
цій въ натуральную величину и 12 страницъ 24

раскраски и картинками парижской моды.

Объявленіе въ журналѣ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ принимается въ Конторѣ Редакціи и взы-
мается плата за такое же по 10 коп. за строку текста или за ея мѣсто.

Годовая книга II-го издания:

Съ 24 вырванных картин:

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки . . .	8 р.	—	к.
— съ доставкой . . .	6	—	—
— съ пересылкою . . .	7	—	—
Въ Москвѣ безъ доставки . . .	6	—	—

Содержаніе. Пріездъ Свѣтлы. — Нравственное и физическое воспитаніе дѣтей въ первомъ воспитаніи. — Новая мода. — Семейство. — Алкоголизмъ. — Сѣнь. — Продолженіе повѣсти рус. № 1. — Объявленія.

ПРИЗНАКЪ СЧАСТЬЯ.

(Разсказъ Г. . .)

Родилась въ маленькомъ городкѣ на Рейнѣ, мой отецъ однако не былъ родной, моихъ родителей и не могла узнать гдѣ живутъ мои родственники, потому что мой отецъ никогда не говорилъ о своей прежней жизни; только послѣ его смерти узнала я о ней нѣкоторые подробности оставшимся случайно писемъ. Отецъ мой былъ уже развѣ женатъ, но жена его обманула, ему было тогда уже за сорокъ лѣтъ и такъ какъ въ это же время разгорѣлась война съ Наполеономъ, то отецъ бросилъ свое разстроенное семейное счастье и отправился въ походъ какъ простой солдатъ. Ему нечего было терять, онъ былъ канторомъ и учителемъ въ одной итальанской школѣ, но безуспѣшно. И такъ, онъ отправился черезъ Рейнгъ, съ желаніемъ найти въ сраженіи смерть, но получилъ много ранъ, такъ что послѣ вѣзда въ Парижъ долженъ былъ остаться тамъ для излеченія дѣлъ пѣхоты. Здѣсь онъ узналъ мою мать, бывшую сироту, но съ свѣтлымъ и веселымъ душою. Служа за работой, она по цѣлымъ днямъ распѣвала старинныя французскія пѣсни, а мой отецъ останавливался противъ ея окна и, слушая ее, забывалъ свои ранъ. Кончилось это конечно тѣмъ, что мой отецъ, какъ получивался, получалъ отпускъ, вѣзлъ свою молодую жену французкѣ и убѣжалъ снова въ Германію, гдѣ она, совершенно счастливая, путешествовала съ мѣста на мѣсто, пока у нихъ не вымалъ всѣ деньги. Это случилось именно въ упомянутомъ мною городкѣ на Рейнгѣ; мать моя принадлежала снова шить, а отецъ выхлопоталъ себѣ мѣсто сторожа при таможенѣ.

Теперь она была совершенно счастлива и называла жизнь сѣнью, потому что страстно любила мою мать, хотя первый мѣсяцъ не могъ почти ничего говорить съ нею. На его французское измѣненіе объясненія выходили также не ловки, какъ и ея на итальанское. Но при взаимной любви не нужны разговоры. Часто онъ разсказывалъ мнѣ, что когда она бывала съ работой у окна и поетъ свои пѣсни, богатые экипажи и простыя фуры, знат-

ные и незнатные останавливаются тихо у воротъ и слушаютъ ее долго, долго, пока не наслушаются. И весь городъ любилъ молодую женщину и говорилъ объ ней только все хорошее, не смотря на то, что мегла верховъ и пѣше постоянно пертались около ея окна.

Два года мой отецъ насаждалъ счастьемъ, но спустя отцу короткій срокъ, онъ долженъ былъ съ нимъ разстаться и зарыть его въ сырую землю. Мнѣ было тогда всего годъ и потому и совсѣмъ не помню своей доброй матери; я наследовала не только ее наружность, но и ея сѣтливый, веселый характеръ, ея любовь къ отцу и даже ея имя Магдалина. Когда я подросла до того, что могла понять языкъ у меня добрый отецъ, то любила его всѣмъ своимъ маленькимъ сердцемъ и чувствовала себя счастливымъ только тогда, когда могла сидѣть возлѣ него, заботиться о его спокойствіи и развлекать его своимъ пѣніемъ. Такъ какъ онъ не отдавалъ меня ни въ какую школу, а занимался со мною самъ, то я мало сходилась съ сѣбидими дѣтьми. Одна старушка учила меня шить и стряпать и когда я достаточно постигла эту науку, то упростила моего отца отдать мнѣ на руки наше маленькое хозяйство, хотя мнѣ тогда было всего четырнадцать лѣтъ. Занятіе это было мнѣ какъ нельзя болѣе пріятно, а времени было очень достаточно, чтобы научиться и чему нибудь другому. Я объявила моему отцу, что намъ надо купить французскую грамматику и французскихъ книгъ для чтенія, и такимъ образомъ, сживали мы много денегъ, повторяя другъ другу наши уроки на материнскомъ языкѣ; я учила потихоньку французскія пѣсни и вромѣ ихъ ничего болѣе не пѣла.

Когда я сѣла отцу въ первый разъ, онъ побѣдѣлъ и громко заплакалъ, такъ что я съ испугомъ остановилась; но онъ просилъ меня продолжать, говоря, что самымъ обаятельнымъ его, что ему представляется моя мать какъ она въ Парижѣ сидѣла у своего окна на чердакѣ и какъ онъ тамъ въ нее любилъ.

Тутъ онъ разсказалъ мнѣ въ первый разъ, какъ онъ всѣмъ неправдамъ написалъ ей французское письмо и объявилъ о своей счастливости. Письмо онъ послалъ съ маленькимъ мальчикомъ, а самъ, стоя противъ окна, смотрѣлъ какъ она

его получила и читала. Нѣсколько минутъ она продолжала такъ шить, сдѣлавъ совершенно серьезное лицо; но потомъ, вдругъ повернулась къ нему и запѣла пѣсню, которая состояла изъ французскихъ и итальанскихъ стиховъ:

Que je vous aime,
Das muss ich gestehen;
Sans paraître, sans paraître,
So ganz allein — ach ja,
Que je vous aime,
Das muss ich gestehen.

Частъ спустя все было уже упомянуто, а черезъ дѣтъ нѣдѣли была сыграна свадьба. Часто говоривалъ меня отецъ въпѣ такой же доброй и добродѣтельной, какъ моя мать. Въ особенности говорилъ онъ много о добродѣтели и часто приходилось мнѣ читать исторіи, гдѣ говорилось о добродѣтельныхъ дамахъ и дѣвкахъ. И, разумеется, ничто хорошему тутъ не понимала, но не хотѣла распрощиваться, зная, что добродѣтель очень серьезная вещь, а я въ то время была всегда весела и охотилась пѣла и смѣлась, чѣмъ думала о серьезныхъ вещахъ.

Впоследствии я поняла это лучше, когда подросла уже до того, что молодые люди заглядывали на меня въ окно, какъ это было съ моею матерью и, видя меня на улицѣ, говорили мнѣ всѣмъ, что я хороша и тому подобнаго. Я слышала это не безъ удовольствія, но мало обращала на это вниманія, потому что не могла себѣ представить, какъ можно предпринять кого нибудь моему отцу. Когда по воскресеньямъ я пѣла пѣсню, которую онъ рѣдкіе сѣдымъ и завязывала ему галстукъ и когда его благодарное, милое лицо выглядывало такъ добродушно въ коротенькомъ рубашки, я не могла удержаться, что-бы не обнять его и не поговорить ему разныхъ глупостей, напр. что онъ самый красивый и молодой во всемъ городѣ и что-бы онъ понасмѣялся бѣднымъ дѣвочкамъ и не любилъ ихъ въ себѣ всѣхъ безъ исключенія. Тогда онъ смѣлся, грозилъ мнѣ пальцемъ и говорилъ: у тебя же tante folle Магдалина, это у тебя также отъ твоей матери. — Стало быть, забывала я, это не можетъ быть душно. И когда онъ, опираясь на свою палку, медленно шелъ по улицѣ въ первомъ, я долго глядела ему въ сѣдѣ, и потомъ шла въ кухню и приготовляла ему кушанье, которое онъ болѣе всего любилъ, и

мѣ казалось, что такая жизнь будетъ продолжаться вѣчно.

Но однажды въ воскресенье его принесли изъ церкви домой; во время службы съ нимъ сдѣлались удары и онъ прожилъ еще только нѣсколько часовъ. Но даже и въ послѣднія минуты, когда я держала его уже почти холодною руку, онъ говорилъ мнѣ о добродѣтели, говорилъ, что ничто мнѣ не останется, кромѣ добрыхъ привычекъ, и ничто другое не коснется меня въ жизни, если я буду добродѣтельной и сохраню честные нѣтъ.

Мнѣ было тогда уже двадцать одинъ годъ, я была здорова, бодра и некуса во всѣхъ работахъ, такъ что бѣдность въ будущемъ не страшная мнѣ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ похоронъ отцу, у меня были уже женихи, которому я отказала; это былъ сынъ зажиточнаго мѣшанина и забравшаго мною только тому, му, что я не чувствовала къ нему особенной симпатии; на началъ головной мозгу, съсѣвшаго унавошихъ объ этомъ, я не обратила вниманія. И вѣроятно добрился мому добрую отцу и смотрѣла съ радостно бывшими сердцемъ въ далекий мѣръ, который казался мнѣ теперь открытымъ.

Въ настоящее же минуты я заняла при одной старой дамѣ должностъ компаньонки. Она не давно поселилась въ нашѣмъ городѣ и всѣ го ворили, что это очень странная особа. Я думала, что все равно начать знакомиться съ женщиной, у нея не было другого. Однако скоро я замѣтила, какъ горекъ заработываемый хлѣбъ и какъ бы же обаяніемъ, которая было такъ легко исполнить въ отношеніи къ моему отцу, сдѣлались тяжелы теперь, когда онъ относился къ чужому. Это не была зала женщины по вырожденію всего года, который я провела у нея, я не имѣла ни одного часа спокойнаго.

Она была когда-то очень хороша собою и теперь не могла помириться съ тѣмъ, что сдѣлалась гадкой старухой съ огромнымъ количествомъ морщинъ и бородавокъ на лбу. Это было бы еще ничего, но всего тяжелѣе мнѣ было то, что она рассказывала постоянно различныя исторіи изъ своей жизни, о своихъ побѣдахъ и несчастьяхъ. Къ тому же она всегда забывала, что ее принуждена слушать неопытная, молодая дѣвушка.

Когда она углублялась въ свои воспоминанія, то охотнѣе всего рассказывала прощенствія, отъ которыхъ красна бросалась мнѣ въ лицо. Можно себѣ представить, какъ возбуждала и волновала меня эти исторіи; къ тому же, я не могла по прежнему давать исходъ своей природной веселости притягивая и пѣвшею, а должна была пѣть да сидѣть смироно воздъ старухи, между тѣмъ какъ моя фантазія шла по дорогѣ, способной сложить шею всякому.

Безъ участія моей фантазіи, отъ вымысловъ которой я впрямую иногда приходила въ ужасъ, я не могла бы конечно такъ долго выдержатъ, не имѣя никакого другаго общества. И теперь еще совсѣмъ еще представляется мнѣ, какъ старуха однажды вечеромъ рассказывала мнѣ одну изъ самыхъ возмутительныхъ исторій своей жизни и заснула посреди этого занятія, а я сидѣла также въ изумленіи въ моемъ креслѣ. Вдругъ мнѣ показалось, что дверь отворилась и входитъ мой отецъ совершенно такъ, какъ бывало онъ приходилъ домой изъ церкви, въ мантильи поспѣвая подъ мышкой и наклонъ въ руки; онъ остановился и такъ спокойно и пристально посмотрѣлъ на меня, что я повернулась отъ ужаса. Тогда онъ покачалъ головой и сказалъ: *Василии Магдалина, что ты обѣщала мнѣ остаться добродѣтельной, и потому прибавляю: «Die Tugend ist doch kein leerer Wahn» и при этомъ онъ такъ строго посмотрѣлъ на мою старуху, что я также взглянула на нее; и въ эту минуту она показавшись мнѣ такой безобразной, гадкой и страшной, что я не могла понять,*

какъ могла я такъ долго выносить это лицо. Когда же я хотѣла снова взглянуть на своего отца, онъ уже исчезъ и только слова его раздавались еще въ моихъ ушахъ, такъ что я не могла заснуть почти цѣлую ночь. На слѣдующее же утро, прочла я въ газетѣхъ, что одна госпожа нищетъ швею: не думая долго, я написала къ ней и получила мѣсто. Это было въ прекрасномъ рыцарскомъ замкѣ, среди лѣсовъ и холмовъ, недалеко отъ Рейна, въ значительномъ разстояніи отъ большихъ городовъ, но за то посреди богатыхъ замковъ и укрѣпленій, принадлежавшихъ большому числу баронскихъ фамилій.

Моя госпожа жила на широкую ногу. Мужъ ея былъ мѣшанинъ и самъ пробовалъ это нѣтъ, но онъ имѣлъ мало значенія въ домѣ, потому что жена его была благороднѣе, была очень тогда и хотѣла своимъ господствомъ исправить ошибку, происшедшую отъ нервного нѣтъ. Такимъ образомъ эта особа хотѣла жила со своими двумя дочерьми въ рыцарскомъ мѣтнѣ, гдѣ она легко могла поддерживать знакомство съ сосѣдями, чѣмъ въ столицѣ, гдѣ она не настолько могла удовлетворять своему тщеславію. Мужъ позволялъ ей все; онъ очень любилъ ее; она была когда-то очень хороша собою. Дочери ея были также очень красивыя дѣвушки, а о ея сынъ, который отправился путешествовать въ то время какъ я поступила въ нѣтъ, несликъ, кто его зналъ, говорилъ какъ о мужикѣ, но красотѣ своей, достоинствъ рѣзца художника. Всего же лучше въ немъ, говорила Амея, старшая изъ сестеръ, его убивше были прекрасныя калесеры. Она была также тщеславна, какъ и ее мать, между тѣмъ какъ младшая, Фанни, походила на отца. Не прошло еще и недѣли послѣ моего поступленія въ нѣтъ, какъ Фанни однажды бросилась мнѣ на шею, цѣловала меня и говорила: Ты должна считать меня своей подругой, Магдалина. Никто здѣсь меня не понимаетъ, а мой братъ, который лучше насъ вѣкъ, вернется домой только черезъ годъ. Ты не можешь себѣ представить, какой одинакой и себя чувствую здѣсь. По этому я сейчасъ же замѣтила, что у тебя доброе сердце. Ты должна мнѣ говорить имъ, когда мы оди. Конечно я этого никогда не дѣлала, не смотря на всѣ ея просьбы, но отъ всего сердца полюбила невинную, мечтательную дѣвушку и ради ея перенесла многое, что мнѣ было тяжело. Мать и старшая дочь замѣла на меня только тогда, когда имъ надо было что нибудь приказывать мнѣ или найти какую нибудь ошибку въ моей работѣ. За то старая гувернантка полюбила меня за мое небольшое познаніе во французскомъ языкѣ, и я была достаточно умна, чтобы воспользоваться этимъ. Во время занятія Фанни, я всегда старалась устроить такъ, чтобы мнѣ можно было сидѣть съ моей работой въ той же комнатѣ; и такимъ образомъ я училась всему тому, чему училась моя молодая госпожа, а можетъ быть даже и большому. Это не дѣлало меня особенно счастливою, но за то заставляло забывать мои не совсѣмъ веселыя мысли. Когда же я осматривалась кругомъ, то мнѣ казалось, что у меня есть все, чего можно желать. Часто я думала объ отцѣ и неразрѣдно съ его образомъ возникала въ моей памяти его слова о добродѣтели, и о томъ, что съ нею нельзя быть несчастной. Теперь конечно я была такъ добродѣтельной, какъ онъ могъ только пожелать, но счастья, должностнаго моего прожить отъ этого сознанія пока еще не ощущала, но крайній мѣръ того особеннаго счастья, котораго я такъ желала.

Въ домѣ часто собиралось большое общество и мой братъ и дочери были безпрестанно вѣдаты, барыни должны. Никогда въ молодыхъ и помужахъ мужицкѣ, которыхъ мнѣ приходилось видѣть, не производилъ на меня ни какого впечатлѣнія, кромѣ развѣ впечатлѣнія не-

пріятнаго, когда они, встрѣчая меня одну, представляли меня своей глупой близостью, какъ домашнюю ксину. Но я отлично умѣла заставить ихъ отшатнуться. Однако все это шло меня наконецъ къ убѣжденію, что быть добродѣтельной очень легко и я не могла понять, что тутъ особенно похвальнаго.

Однажды вечеромъ, сидѣла я въ комнатѣ у моей молодой госпожи и дѣлала да ея матери пушовой бархатной головной уборы, гувернантка читала какую то статью о Карлѣ XII, а Фанни должна была переводить фразу за фразой на англійскій языкъ. Въ это время вину на дверь раздался звукъ поточной трубы бы и экипажъ быстро пронесся по коридору воротъ замка. Гастонъ! закричала Фанни, бросилась къ окну, отворила его, дѣлала являя являя обѣими руками, потомъ быстро, какъ застѣла, шагнула въ дверь и чрезъ секунду была уже въ обѣихъ брата. Старуха гувернантка пошла за нею, а я осталась у окна и видѣла какъ стройный молодой мужчина выпрыгнулъ легко изъ коляски, высоко приподнял мою Фанничку и разцѣловалъ ее. Тутъ пришла мать, за нею Амея, а потомъ одинъ за другимъ всѣ дворяне. Когда улеглась первая буря, всѣ исчезли въ домъ, такъ что я слышала только не привычный шумъ шаговъ и голосовъ вину въ корридорѣ, пока наконецъ и это не замолкло. Только и одна стояла на томъ же мѣстѣ у окна и на сердцѣ у меня было тяжело, тяжело. Въ эти минуты, я переживала то счастье, которое чувствуетъ тотъ, кто послѣ долгого разлуки можетъ снова увидѣть любимого человека, а между тѣмъ я не имѣла въ этомъ счастьи ни малѣйшей доли. Я была просто служанкой, должна была въ срокъ приготовить пушовой головной уборы и могла требовать только уплаты въ срокъ жалованья. Теперь первый разъ въ жизни я позвонила другимъ людямъ.

Конечно англійскій урокъ былъ на этотъ разъ оконченъ, и я осталась совсѣмъ одна со своей работой. Только Фанничка входила еще разъ въ комнату, чтобы вѣсть свой альбомъ.

Она вагнеровала мнѣ множество разныхъ разностей про своего брата, что онъ еще болѣе похорошѣлъ и такой добрый — такой добрый! Что онъ привезъ изъ множества хорошихъ вещей и рассказывала удивительно занимательныя исторіи о своемъ путешествіи; что мать тотчасъ же написала отцу, и что теперь будетъ такъ весело и хорошо, какъ никогда еще не было! Я молча выслушала все это; да и что же было мнѣ отвѣчать? Впрочемъ, мнѣ было очень пріятно видѣть милую дѣвочку въ такой радости.

И дурно провела ночь и мнѣ уже приходило въ голову отказаться отъ мѣста, такъ мнѣ не показалось теперь, въ первый разъ, тяжело эта одоубрающая, безустановка ко всему жизни.

Но такое настроеніе продолжалось недолго. На слѣдующій день по утру, когда всѣ семья сидѣла гину за завтракомъ, я должна была подать на серебряномъ подносіе письма, принесенныя съ почты. Сильнѣ сидѣла воздъ матери на софѣ, Фанничка воздъ него на табуретѣ и держала на колѣняхъ его лѣвую руку. Мнѣ было досадно, что я не могла безъ смущенія поспѣть на него. Однако я замѣтила, что онъ прудтъ перервалъ разговоръ и пенушу что-то своей сестрѣ. Это была Магдалина, отъѣхала она въ подорожную и прибавила еще что-то, чего я не поняла. Но я чувствовала, что онъ представлялъ меня взглядомъ, пока я не вышла изъ комнаты. Я негодовала на мое смущеніе, слезы готовы были выступить у меня на глазахъ, но гордость пришла мнѣ на помощь. И твердо рѣшилась продолжать жить, какъ будто ничего не случилось и ни забывать, ни искать его взгляда. Надо признаться, что я не слишкомъ часто поддѣргалась искнущенію въ этомъ отношеніи. Гастонъ съ перваго же утра смо-

трья на меня такъ же съ вышины, какъ его мать и старшая сестра.

Въ замкъ началось блестящая жизнь, съ праздниками, походами на охоту, катаньемъ въ лодкахъ въ Фегерберкиа. На всѣхъ этихъ прогулкахъ сынъ мой баринъ былъ героемъ и я часто слышала, сидя въ своей комнатѣ, его смѣхъ, дошедшій дѣдо до моего уединенія, и мнѣ казалось, что никогда въ жъ ни не слышала я такого бесцеремоннаго смѣха. Этотъ смѣхъ походилъ мнѣ былъ холодной и непоколебимой, такъ что теперь, когда я случайно встрѣчала его дома или въ саду, я болѣе не опускала глазъ, а проходила мимо, дѣлая спойный, почти гордый поклонъ. Онъ отвѣчалъ на него всегда прѣвѣстиво — мнѣ казалось тогда, что онъ дѣлаетъ это изъ милости — однако я забывала, что онъ всегда останавливался и смѣялся мнѣ въ смѣхъ. Всего лучше: мнѣ казалось въ немъ то, что онъ хотѣлъ и *ловилъ калесы*, никогда не дѣлалъ попытокъ удостоить меня, какъ старшую и лучшую служанку, дуемисленной шуткой или какой нибудь любовной сценой.

Наконецъ было рѣшено, что онъ уѣдетъ и пробыдетъ, по желанію отца, еще годъ въ университетѣ, чтобы приготовить къ государственной службѣ. Фанчича была очень грустна, да же мать заботилась о приверженностяхъ своего туалета не съ такою тщательностью какъ обыкновенно. Одна Амалия оставалась по видимому равнодушною. Она недавно сдѣлалась невестой довольно престопаго барона и размышляла рожъ нечастной любовной, которая можетъ дуть только о своемъ счастьи.

За день до отъѣзда — это было поѣздъ осени — всѣ сосѣди собрались еще разъ въ нашъ замкъ на большой обѣдъ. Вечеромъ я вышла изъ окна комнаты Фанчичи, какъ ужасная экипаж, и не знала радоваться или горевать. То проведы эти казались мнѣ какою-то освобожденіемъ, потому что затѣра все опять войти въ прежнюю, спокойную козю; то вдругъ представляла себѣ нашъ доѣздъ безъ него. мнѣ казалось, что въ образовавшейся его отсутствіи пустотѣ, никто не будетъ въ состояніи даже дышать, настолько уже говорить и смѣяться такъ какъ теперѣ.

Думая такимъ образомъ, я заперла окно и вошла въ почти уже темную комнату; въ это время дверь отворилась и она сама вошла въ нее. Не здѣсь-ли моя сестра? спросила онъ. И такъ какъ я могла отвѣчать жестомъ, онъ продолжалъ: я искалъ собственно не ее; я искалъ Васъ Магдалину. — Мена? сказала я, и сильно вздрогнула. — Да, Васъ, Магдалина.

Вы имѣете что нибудь противъ меня, я это замѣчалъ все время. Не оскорбля-ли я Васъ чѣмъ нибудь? Я не могу угадать, не гадаю выны. — Въ то время, какъ онъ говорилъ, мнѣ казалось, что вокругъ меня звонитъ сто колоколовъ и она я слышала совершенно ясно каждое слово. Онъ продолжалъ: Вы молчите, Магдалина; развѣ была такъ сильна, что Вы не можете мнѣ ее высказать? Тутъ я ослѣдла Васъ и сказала какъ могла спокойно: Вы меня ни чѣмъ не оскорбили; да и какъ это возможно? Оскорбить можно только то, съ чѣмъ стоишь на ровной доскѣ! — Онъ подошелъ ко мнѣ ближе и взялъ меня за руку. Магдалина, сказалъ онъ, я бы желалъ, чтобы вы также мало желали оскорбить меня, какъ я васъ. Но теперь этого нельзя имѣть; только время можетъ сдѣлать это. Вы должны мнѣ лучше узнать. А покуда прощайте. Будьте вѣрны моей маленькой Фанчичѣ; не правды, вы не можете мнѣ отказать въ этомъ? — Онъ улыбался, горячія слезы вдругъ потекли у меня изъ глазъ. Изъ за нихъ я не могла видеть его лица и только могла расслышать, какъ онъ говорилъ: Гордая девушка! я не заслуживаю этихъ слезъ! Онъ прошепталъ рожю по моему волосамъ, и я почувствовала во всемъ тѣлѣ какъ бы элек-

трически искры, слышавшія съ концомъ его плачущемъ, такъ что я невольно сдѣлала шагъ назадъ. Когда же оминалась и пришла въ себя, его уже не было въ комнатѣ.

Въ этотъ вечеръ я его болѣе не видѣла, а на слѣдующее утро онъ уѣхалъ еще до восхода солнца. Теперь онъ сталъ часто писать, конечно не ко мнѣ, а къ своей маленькой Фанчичѣ, но я понимала очень хорошо, что писало для меня. Фанчича была счастлива отъ этихъ писемъ; прежде онъ писалъ ей только по дню ее рожденія, такъ какъ пишутъ маленькимъ дѣтямъ; теперь же ежедневно приходило письмо въ два, три листа, всегда начиналось вѣсело, съ разсказомъ о студенческихъ спорахъ, потомъ вдругъ тономъ перебивалась какъ дѣла при переходѣ въ ночь и добрая барышня читала мнѣ послѣднія, серьезныя страницы съ особымъ выраженіемъ, какъ бы удаляясь мнѣ и даже говорила не разъ: Неправда-ли, конецъ писалъ какъ будто ты нибудь другой? — Или къ кому нибудь другому! говорила я мысленно. Когда же оставалась одна, то писала ему въ своемъ воображеніи дѣлины, дѣлины отбиты, но ни одна строка изъ нихъ не появилась на бумагѣ. Ни разу я не думала о томъ, чтобы попорить его сестру написать что нибудь обо мнѣ, или только похвалиться ему отъчина.

Я твердо рѣшилась остаться въ замкѣ только одному зимѣ. Къ Пасхѣ онъ долженъ былъ вернуться. Фанчича повторила это каждый день; и знала, что останется дольше, и погибну, и рѣшилась сказать въ новый годъ его матери, что хочу нести себѣ друга мѣста. Мнѣ было все равно, куда не бросить меня теперь судьба.

Но случилось иначе.

На Рождество погода была вѣтрянохолодная, снѣгъ лежалъ во всемъ парѣ. Фанчича не хотѣла сидѣть дома и потащила меня съ собою.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НРАВСТВЕННОЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ДИТЕЙ ВЪ ПЕРВОМЪ ВОЗРАСТѢ.

НАСТАВЛЕНІЯ МАТЕРЯМЪ

Э. Рудереръ.

Зачеты о болѣзняхъ.

Видѣла ли ты мать, когда услы-
шала дѣтей
Она покупаетъ за собственный
свои и заботится о беззащитномъ.
Платитъ собственной жизнью
жизнь дѣла,
И награждаетъ себя за заботы
заботой.
Хердеръ.



Какою бы заботливостью не присматривала мать за своимъ ребенкомъ, рано или поздно непремѣнно наступитъ часъ, когда она, съ тоскою вѣвающимъ сердцемъ, будетъ стоять у его постели и лихорадочно горячія ручки, отрывистое дыханіе, плачущій крикъ маленькаго любимца возвѣстятъ ей о приближеніи важной болѣзни. Можетъ быть, послѣ немногихъ тяжелейшихъ дней и недѣль вѣселаго болѣзненнаго, дѣлалась же стоить счастливо, захитѣть, и милые глаза закроются на негѣ!

Природѣ человѣка, связанной съ жизнью, также какъ и глубокой любви, которую мы чувствуемъ къ невыразимо дорогому существу, свойственно то, что мы собственно ни какъ не можемъ понять его потерю и думаемъ: если бы вотъ только случилось это или минуло еще то, ужасное дѣло не могло бы совершиться. Чтобы утѣшить болѣзненнаго самотеразвѣженнаго чувства глубоко опечаленнаго материнскаго сердца и не допустить, чтобы яркая тѣнь сошлась на свѣтлѣхъ воспоминаніяхъ, относящихся къ жизни съ любимыми дѣтатей, лишь слѣдуетъ

дать женщинамъ короткое наставленіе, какъ поступать во время болѣзни ребенка.

Мать, знающая природныя свойства своего ребенка и наблюдавшая внимательно за его привычками, будетъ по этому знать, когда онъ страдаетъ, потому что различіе между болѣзнями и здоровымъ дѣтствомъ такъ велико, что бросится въ глаза даже и невнимательному зрителю.

Если дитя здорово, то все его существо есть жизнь, радость и забава; будучи груднымъ ребенкомъ, оно барахтается на рукахъ матери, весело улыбается, выражая радостное чувство своего бѣга; въ болѣе позднѣе возрастѣ рѣвнато, бѣгая туда и сюда, полно бодрости и вѣселою радостію, или же въ серьезномъ расположеніи духа и съ смѣшною наивною занимаетъ своей игрою. Но съ наступленіемъ болѣзни, дитя теряетъ прежде всего свою веселость и радостный азартъ, хотя еще и дѣлаетъ по временамъ слабую попытку позабавиться. Грудной младенецъ перестаетъ слѣдить за глазами своей матери или кормилицы, какъ онъ это прежде обыкновенно дѣлалъ, хотя онъ еще сильнѣе чѣмъ прежде принашивается къ ней и не хотѣтъ ни на минуту быть вынужденнымъ съ ее руки. Иногда, если болѣзнь усиливается, онъ дѣлается раздражительнымъ до того, что ему ничѣмъ нельзя угодить. Онъ кричитъ, чтобы его положили въ постель, и какъ только это сдѣлано, онъ кричитъ, чтобы его взяли. У него является жажда, но ничто, изъ того что ему предлагаютъ, не приходится по его вкусу, и онъ съ досадою отталкиваетъ напитокъ, который по вѣскому исполненію любви намеренъ былъ ему быть приятнымъ.

Заболѣло бѣдное маленькое созданіе, но такіе признаки болѣзни могутъ продолжаться много дней, пока врачъ, который можетъ убавить пациентамъ сравнительно короткое время, опредѣлитъ, какою болѣзнію дитя будетъ страдать. А мать должна самими старательными образомъ примѣчать особенности, которыя представляются, чтобы врачъ получилъ отъ нея ясное и полное показаніе. Счастлива мать, являющаяся въ горѣ дѣтствомъ и опытного врача, отъ котораго она ежедневно, а часто и нѣсколько разъ въ день получаетъ утѣшеніе и необходимыя правила о томъ, какъ надо поступать. Многія помѣщенія, которыхъ нѣтъ отстоятъ на много верстъ отъ ближайшаго города, въ случаѣ если не такъ велика опасность, которую онъ своей неопытностью можетъ въпрямую сдѣлать значительно, могутъ призывать только черезъ долгіе промежутки сутокъ нѣтерпѣливо ожидаемаго и столь желаннаго помощника и въ болѣзненныхъ случаяхъ предоставлены собственному знанію и предосторожности. Одна моя родственница, жена священника, живущаго на берегу, была принуждена ухаживать за ребенкомъ, заболѣвшимъ воспаленіемъ въ легкихъ, по *писменному предписанію* врача, содержащему необходимыя лекарственныя средства, потому что прорывъ платины между докторомъ священника и городкомъ дѣлалъ невозможнымъ проѣздъ туда въ экипажѣ. Исполненіа чужестраннаго глубокой любви, руковождаемая рѣшеніемъ посвятить всѣ силы и всѣ способности своей души возвышенному любимому дѣтству и ободранной надеждѣ на Бога, она принялась за свое мучительное дѣло и ей суждено было утѣшить свое дитя до смерти.

Докторъ Кирль Вестъ, главный врачъ лондонскаго дѣтскаго госпиталѣ, въ своей книгѣ: *How to nurse sick children* (какъ слѣдуетъ обихаживать болѣзненныхъ дѣтей) даетъ утѣшительныя за болѣзнями необходимыя наставленія, на что онъ долженъ обращать вниманіе у болѣзненныхъ дѣтей, чтобы врачъ могъ получить точное показаніе и научить какъ улаживать формы, въ которыхъ появляется наклонная сила. Онъ говоритъ: «срочный плачь есть единственная языкъ, которымъ грудной ребенокъ можетъ

выражать свое страдание, точно такъ, какъ ушиба и пуганность безъ словъ выражаютъ его радость. Дитя должно быть нездорово, вотъ все, что высказываетъ его крикъ непонятно наблюдателю; другой же, надвѣшавъ многихъ больныхъ дѣтей, вылезаетъ изъ этого болѣе и способенъ рѣшить, страдаетъ-ли дитя голодомъ, или грустью или жаждою. Дитя, болѣе же-лудкомъ, кричитъ продолжительно, громко и сильно; оно проливаетъ обильны слезы; на минуту затихаетъ и потомъ опять начинаетъ, прижимая свои ноги къ туловищу, и какъ только бо-же пройдетъ, опять ихъ вытягиваетъ и погружаетъ со многими слабыми стопами въ тихій сонъ. При вселеніи въ груди оно не кричитъ громко и не плачетъ; но черезъ каждыя двѣ минуты, въ особенности послѣ глубокаго вздо-ха или короткаго отрыгивающаго кашля, испускаетъ слабый крикъ, который недолговѣ-рчивъ или потому, что у него не хват-ается духу для крика, или потому, что нап-ряженное дыханіе причиняетъ ему боль. Когда же бо-же сосредоточена въ головѣ, дитя испу-скаетъ острые и пронзительные крики и затѣмъ тихій стонъ или плачь, а можетъ быть и на-какого звука и лежитъ безучастно въ тихой дремотѣ.

Какъ задѣтъ родъ крика показывается различ-ная болѣзнь, точно такъ напр. при кашлѣ, слѣдуютъ замѣтять: слабѣе онъ, или слабѣе, продолжительнѣе ли, или повторяется припад-ками и черезъ каждыя промежутки времени оче-виднѣе, появляются эти припадки и не сопро-вождаются ли кашлемъ каковы нѣбуди особен-нымъ звукомъ.

Докторъ Вестъ сообщаетъ—и я во многихъ случаяхъ убѣдился въ превосходствѣ такого рас-сужденія—на сложной въ пѣтерѣ бумажѣ вѣсти описъ:

1. Пещи, которую дитя (или вообще всѣмъ больнымъ) припадало, въпрямую дитя, въ которое это случалось.

2. Она; былъ ли онъ тихій, глубокий или съ частыми перерывами, внезапно ли дитя про-буждалось и пугалось, или было въ полу-забытѣ.

3. Лекарствъ; черезъ какія промежутки вре-мени онъ принимался, и былъ ли перерывъ тихій сонъ пациента, чтобы дать ему приѣмъ въ предписанные часы.

4. Испражнений (которые хотя слѣдуетъ уно-сить изъ комнаты больного, но непременно показывать врачу).

5. Особенныхъ пунктовъ, на которые желаютъ обратитъ вниманіе врача.

Никакая мать не должна думать, что ей память достаточно вѣрна, чтобы не нуждаться въ этомъ пособіи. Память страдаетъ отъ тѣ-леснаго и душевнаго напряженія болѣе всѣхъ другихъ душевныхъ способностей, и я видѣлъ женщинъ съ болѣшими душевными силами до то-го исчерпавшихъ всю бодрость духа въслѣдствіе бесконныхъ ночей и дней, что они принужде-ны были записывать не только предписанія врача, но и свои собственные наблюденія. Ночное время въ которое припадки болѣзни принимаютъ обы-кновенно особенно сильный характеръ, прямо тре-буютъ такихъ записокъ.

«Куръ возмываетъ въ видѣ множества темно-красныхъ пятенъ, которая группируются на нѣкоторыхъ вѣтвяхъ, и видны большіе обык-новенно прежде на лицѣ и на збу болѣзни отъ основанія волосъ, причемъ въ болѣшинствѣ случаевъ предшествуетъ теченіе изъ глазъ и носа и всѣ признаки сильного насморка. Скарлатина не является отдельными пятнами, но проливается спорѣе въ повсемѣстную окраску лица, въ ярко красный цвѣтъ, подобный цвѣту рабаго морскаго рака. Она появ-ляется прежде на шеѣ и на груди въ болѣе сильной степени, чѣмъ на лицѣ и обыкновенно возмываетъ и сопровождается болѣе тем-нѣе. Краска является въ связи съ анжорной, но

не съ столь частымъ теченіемъ изъ глазъ и носа, какъ корь, и не съ такимъ частымъ каш-лемъ, причемъ пятна представляютъ маленькіе отдельные узелки, которые распространяются по всему тѣлу въ такой же степени, какъ по головѣ и по лицу. Они появляются на туловищѣ и на-ружностяхъ часами ранѣе, чѣмъ на другихъ ча-стяхъ и по простѣтѣ одного или двухъ дней увеличиваются и превращаются въ водя-ные пузырьки величиною съ большую булавоч-ную головку. Вода эта представляетъ молочный видъ, потомъ водяные пузырьки ссыхаются и ссыхаются въ маленькіе темно-желтые за-твердѣнія, которые скорѣе отпадаютъ». Какъ только начнется угрожать появленіе насморка болѣзни, дитя слѣдуетъ перенести на сорбѣную постель, которая должна быть такъ поставлена, чтобы сѣвъ не попадалъ къ ребѣнку ни съ переди ни съ боковъ, комнату надо сдѣлать темною и задерживать всѣмъ притокъ воздуха ширмами, поставленными между дверями и по-стелью больного. Температура комнаты при на-кожныхъ болѣзняхъ должна быть выше, чѣмъ напр. при болѣзняхъ мозга, именно 14—15°. Режимера Телота никогда не должна быть раз-мѣрною по своему благоустрою, но должна регулироваться *неодолго отъ постели боль-ного повѣшеннымъ термометромъ*. Очень полезно топить два раза въ день, потому что при одномъ топлении комната упрямѣе сажо-мъ, а ночью слишкомъ бываетъ холодно, двойное отопленіе также, вслѣдствіе ес-ли тогда происходитъ внутри, очистить воздухъ собранно чѣмъ. Если у матери много дѣтей и она ихъ старательно отдала отъ больного дитяти, чтобы предохранить отъ заразы, то ей слѣдуетъ также быть предусмотрительной и относительно палаты. «Темная, чистая мате-рія», говоритъ профессоръ Бокъ, «всасываетъ легче чѣмъ была влажность, летучія и паху-чѣе субстанции и *сжигаются также зара-жающими частицами*». Ей не слѣдуетъ также непосредственно изъ комнаты больного пере-ходить въ другія дѣтскія, а надо поить не-много сперва въ коридоръ или на другомъ я-стѣ, черезъ которое проходитъ токъ воздуха. При *ослож* болѣзни и на *ослож* болѣзни по-кой дѣтствѣ подобно тому, какъ болѣзнь на рынѣ. Поэтому слѣдуетъ вскорѣтъ, запи-рается ли дверь комнаты безъ щелей, крѣпко ли оконныя стекла, чтобы вѣтеръ ихъ не при-поднял въ сотрѣсеніе и слѣдуетъ прекращать подобныя вредныя вещи. Ширмавадсе или другіе болѣе стѣнные часодолжны быть уда-лены изъ комнаты больного, потому что имен-но въ ночной тишинѣ—беспрестанное тиканье раздражаетъ нервы и препятствуетъ засыпкан-ю. Передъ сѣвтомъ, горящимъ въ комнатѣ, или передъ лампадою, слѣдуетъ ставить аэрозоль, вслѣдствіе ес-ли яркаго свѣта нельзя сильно умень-шить, зеленой покровкой козлапа. На болѣзномъ столѣ, *покрытомъ сѣвѣткою, чтобы ес-могло спланироваться на немъ безъ шума, надо поставить нѣсколько стакановъ, ложку, нѣско-лько мелкаго сахара, который конечно сѣвѣ-вало бы употребить во всякой болѣзни, фла-конъ съ укусовъ и все, что необходимо упо-требляется пациентомъ. Деревянная чашка съ водою и полотенце, чтобы положить и выти-рять, ставаны и т. п. Такое распоряженіе на-блюдаетъ отъ не пугающаго хожденія туда и сюда и вслѣдъ того отъ нарушенія покоемъ. Лекарствен-нымъ склянками лучше всего быть въ болѣзномъ сосудѣ съ холодною водою и ложкой, послѣ ка-ждаго приема должна быть тщательно мыта. Ни одно дитя не принимаетъ охотно лекарства, но эту неприятную для него процедуру можно значительно облегчить разумнымъ обожженіемъ, и въѣсть съ тѣмъ воспріимчивостію тому, чтобы дитя во время болѣзни приуражало въ непослушаніи. «Сохраняйте такъ и душевное напѣшеніе» говоритъ Жюль-Поль, если вамъ надо приобрѣсть тѣлесное. Дѣти болѣзнями*

правственно возвращаются; *нослѣдъ болѣз-но* по настоящему можетъ привести въ общему уаженію.

Много тяжко болѣзней дѣтей выздорѣва-етъ при хорошемъ уходѣ. Поэтому не слѣдуетъ го-ворить ребенку заразые о времени припадки лекарства и т. п., но въ минуту, въ которую слѣдуетъ дать лекарство, надо подойти съ на-полною ложкой къ дитяти и сказать ему съ лѣтностью, что принять необходимо. Хоро-шо воспитанное дитя будетъ это исполнять, въ особенности если приговоришь къ тому, что оно въслѣдствіе старательнаго, послушан-наго лекарства скоро выздорѣветъ. Если же дитя еще слишкомъ молодо для нравствен-наго убаженія, то во всякомъ случаѣ, если оно будетъ отвѣчать, надо влить питье и бы-стро, насильно вылить ему въ ротъ.

Уаживаясь за дѣтѣми, будетъ ли то мать, или кто нибудь другой, должна носить платье изъ мягкой матеріи, чтобы оно не шумѣло при ея движеніяхъ; башмаки не должны скрипеть и всѣ дѣйствія надо совершать безъ шума. Она должна говорить въ тихомъ, крот-комъ тонѣ, не должна шептаться съ другими, потому что это производитъ впечатлѣніе, какъ будто она хочетъ что нибудь скрыть, и этимъ раздражаетъ болѣзнь. Точно также не должна она ходить вокругъ на цыпочкахъ или знаками отдавать приказанія; такой ложный взглядъ на покой обезпокоиваетъ страдающаго болѣе чѣмъ громкій шумъ. Хотя болѣзнь дитя естес-венно далеко не такъ правнано можетъ слу-дить о своемъ положеніи, какъ взрослая чело-вѣкъ, но всетаки оно инстинктивно предчувствуетъ врага, угрожающаго его жизни и дѣлается необы-кновенно тоскливымъ. Очень болѣзнь дѣтѣмъ поэтому неприятно, если ихъ осматриваютъ, расправна и даже иногда вопросъ о состояніи ихъ здоровья имъ тѣлостенъ.

Мать ни подъ какою видомъ не должна какъ бы это тяжело ей ни приходилось, упо-клоняться отъ принятаго образа обращенія съ дѣтѣми, и вѣдохи или слезы не должны въ комнѣ больного облегчать вѣмучающаго сердца. Она не должна давать своего довѣренія о боль-номъ въ присутствіи маленькаго пациента; но при пробѣвѣ врага должна быть отозвана за перегородку и изагать свои наблюденія, откровенно, чего никакъ нельзя высказывать въ при-сутствіи дитяти; вполнѣ дозано, что такого рода объясненіе приводитъ дитя въ недоумѣніе и раздражительность.—Если является необхо-димость посадить дитя на кровать, то надо не-ложитъ ему подушку за спину или покрыть его сорбѣтымъ шерстянымъ платкомъ. «Дѣтѣ», го-ворилъ одинъ опытный дѣтскій врачъ, «сторе-до чаще простуживались на постели, чѣмъ на свободѣ». Если у дитяти болѣзнь голова, то сужанка должна тѣлостно протереть свою ру-ку подъ подушку, чтобы голова не была лишена необходимой поддержки. Если является надобность пережить бѣзье, а дитя очень слабо, то дѣ-ше всего не только ту рубашку, которую съ него снимаютъ, но также и чистую рубашку съ боковъ и посѣвномъ потомъ зашить. Оче-виднѣе дѣтѣ, страдающимъ болѣзнями моз-га, метода эта особенно оказывается благоде-тельной, потому что задыаніе рубашкою голови необыкновенно мучитъ ребенка.

Если дитя страдаетъ вселеніемъ въ легки-хъ, то изадыаніе должно быть нѣсколько по-выше, такъ чтобы оно припадало почти въ садѣе по-ложене, ему такимъ образомъ можно было-бы спать и легче дышать, чѣмъ при положеніи почти горизонтальномъ. Важнѣе всего, чтобы тако дитя содержалъ въ покоѣ, чтобы болѣзнь легка не раздражалась разговоромъ, или кри-ками. Сосѣмъ маленькихъ дѣтей надобно но-сить завернутыми въ теплый платокъ-вокругъ по комнѣ и стараться усилить ихъ вѣнѣмъ; бо-же върослымъ дѣтѣмъ можно расказывать легкіе анекдоты, которые ни въ какомъ случаѣ

признакам, можно иногда узнать женщину. Вот какое письмо было получено редактором одной из Лондонских газет по поводу найденной дамской мантии:—

«Господни редактор!

«Я иностранец, но честный человек. Если из этого выступления вы не узнаете, кто я именно такой, то узнаете по крайней мере за кого меня приминать, а это также есть шаг вперед.»

«Третьего дня, я нашел у своих ног дамскую мантию из черного бархата, на меховом подкладке и с богатыми настоящим кружевом. Не знаю, кому принадлежит эта мантия и все мои розыски по этому поводу оказались тщетными. По этому, прошу вас, г. редактор, объявить о моей находке в вашей уважаемой газете, но чтобы невыхлопа поразумительный, чтобы записать: что у потерявшей мантию дамы было на голове красное перо марбу. Вы угадаете, кажется мне, должны были свернуть бриллиантовый серпанчик, что и впрочем не утверждаю. Сложена она очень красиво и стройно; волосы у ней удивительно быстрой отблески; цвет лица ослепительный. Шей у ней лебединая, талия тонкая, а ножка самая маленькая и красивая из всех существующих ножек. Дамы очень молодая, живого характера и отчасти раскраснев. Поступил у ней долгая быть очень легкая, а к танцам вылетает большое приращение.»

«Мне может быть интересно, почему я не воздержался над мантией, если она еще успела так хорошо выглядеть? На это я вам отвечаю, что я никогда не видел этой дамы и поэтому относительно ее в полном неведении.»

«Другой вопрос, почему, невидяши особы, я мог с такою точностью обозначить ее примет, но в этом мне помогла найденная мною мантия.»

«Осматривая воротнички упомянутого предмета, я нашел на нем несколько удивительных, быстрой волос и крошечных борозд красной марбу.»

«Согласитесь, что не нужно быть гением, чтобы угадать по этим признакам цвет волос и головной уборы дамы.»

«А так как подобные волосы никогда не принадлежали сугубо чистой кожи, то я дошел до аналогии, что цвет лица у моей незнакомки ослепительный.»

«На палец мантии я заметил также легкие следы, которые могут происходить только от прислонения и шарканья твердого тела и вывел справедливое заключение, что такая твердая ткань могла быть бриллиантовой серги. Если я ошибаюсь, то да будет пошлостью со мною по всей строгости. Строгость в подобных случаях как нельзя более уместна.»

«Остальное все объясняется еще проще. Стою ли только вымывать горловой вырв, чтобы восстановить правильную форму и развить шею. Точно также, рассмотрев внимательно спинку мантии до талии, я нашел, что в такой обложке могла поместиться только стройная и хорошо сложенная фигура.»

«Заметьте же, г. редактор, что подимаю с полу мантию, а увидя на бархат пыльный отпечаток крошечного шаманка. Наступил на мантию кака-нибудь другая дама, крошечная хозяйка, я был сомнителен, был лишний случай первый захватил находку; следовательно, для меня совершенно ясно, что отпечаток шаманка также принадлежит моей быстрой незнакомке. А если бышак очень мал, то выходящая из него ножка должна быть еще меньше, с этим конечно согласен вид всякой!»

«Вот это-то сакое, который она сделала на бархат, не заметив чего является она, я доказываю, чрезвычайную жалость

движений и сильную сосредоточенность ума на посторонних предметах, к чему не бывают еще способны люди пожилые.»

«Отсюда я очень удобно заключил, что моя величайшая благодать находится в самой чистой поре, очень подвижна и вследствие этого нежного раскраснев.»

«Наконец, приложив, что мантия найдена мною у входа в танцевальный зал, я невольно нападаю на мысль, что моя незнакомка первоначально шла танцевать и что именно это приращение заставило ее уронить мантию и даже не заметить своей потери.»

«Продолжая свои исследования над мантией, я мог-бы пожалуй определить на какой ступени общественной иерархии помещается моя благодать, но, убедившись, что женщина молодая и прекрасна, как-то и не желая уже узнавать тайны боге.»

«Пакт, неудачливый, г. редактор, что человек посвятивший всю свою жизнь на точное и философское изучение женского пола, при одном взгляде на мантию, открыл, что ее обладательница отаивается статуей Венеры, шеей Нимфы, талией Грции и молодостью Геблы.»

A bon entendreur salut!

В последние дни, на Царинных аулу было два народных гулянья, 26 и 30 августа. Оба они отличались совершенным отсутствием буйства и пышности. Народ веселился добродушно, брал призы, откусывая разные остро и расходился по домам с песнями. На последнем гулянии, призы раздавала сама Великая Княгиня Мария Федоровна. Нечего и говорить, как благодарен народ такое участие в его забавах, да и самим высоким посетителям поощрению доставила удовольствие народная игра. В особенности возбуждал смех их под деревом, причем на нежного охотника орошдавался чужой веро с водою.

Марсово поле было украшено знаменами Царственных особ, флагами, пятами, гербами и гирляндами, пламьюнованными бриллиантами. В разных местах огромного поля расположено было несколько эстрад, также украшенных флагами и фонарями. Эстрада, на которой помещались Ихт Высочества, обставлена была сверху пестрым полотном. Государыня Цесаревна нелегко из своих рук показала выигранные призы, но дозволяла даже и целовать свою руку, что приводило в совершенный восторг выигравших. Иные, получивши подарки, несколько раз кланялись в землю, а стоявший вокруг народ громко кричал: «Ура.» На празднестве присутствовала Датская королева с дочерью и обе посетимому остались очень довольны нашим народным праздником. Хоры военной музыки и пением развлечены были во многих местах поля, а шарманщики и сцены не было. Была даже и особая сцена для народного театра, на которой каждые полчаса игралась пьеса Каратыгина «Русские святые», съезжались, гадали и хорили. Последние было уже совершенно нововведением и чрезвычайно понравилось народу.

Возвращаясь с гулянья по Троицкому мосту, как-то невольно свернешь на Каменнопротровский проспект и в голову мелькнет обит Нилер. Ну как не поглядеть! Почему не запереть к Нилеру и Деер-Шенку. Ну, вот и завернешь. На дворчас одиннадцатый вечера, а августовские ночи холодны, следовательно очень неудобно, съ помощью 50 к. сер. отлучился сразу—где-бы я дунал?—В Ките. Мы говорим в Ките, потому что последние преобразования сада Минеральных вод, которое нам удалось видеть, предпринято было в китайском стиле. Китайский стиль, как известно по курсу Истории архитектуры, состоит в живности и довольно массивных

воротах, помещающихся на сравнительно тонких подпорках,—у Нилера в саду возвышаются подобно роду ворота. Китайский стиль выражает драконями и змеями на фонарях, живообразными солдатами и проч. В китайском стиле необходимо пестрота и самая живая разумность пестроты — и это есть у Нилера. ... Можно-бы таким образом до конца продолжать сравнение, но притеснит пожалуй пестроту на неприимное противоречие в нашей китайской пейзажи—именно на холода и сырость наших северных почв. Над сознаться, что эти холода и китайская малость инициал да нас да понятия неудобримости. Никто не спорит конечно, что и в Китае есть холодные страны, напр. Северная Монголия и Манжурия, куда непременно убьют Тайкун, если его побьет Минадо — или Минадо, если его побьет Тайкун. Но у нас, когда речь заходит о Китае, как-то невольно возникает мысль о благоприятнейшем чинимом ароматом воздуха тихой Тибетской ночи... А это уж никак не подходит к району нашей приторной пестроты. (Впрочем кажется и Нилер находится в юге этого р. Иона). Кроме того, что-же общего между восточными и южной китайской плавности и между трудно выговариваемым Каосинте-хромонене? Не буквально перевод на русский язык, это значит (смотри любой словарь греского языка)... Прекрасно разрисованный красками фантазм... Ну, конечно, в Китае есть фонтаны; их может быть и разными огнями ослепляю... но наполовину затронутыми женщинами оживить фонтаны и представлять публике в услащенном масштабе что-то из рода Сазиковской или Каченской созоны — это уже не китайская, а отпосит к богам цивилизованным странам, в некотором роде Парижские прихвасты. Впрочем, чем больше разнообразия, тем лучше и плавности остается чрезвычайно эффективной, так что посмортреть не непременно стоит и слышать. А вот скоро будет еще и бенефис Нилера. Посмотрим, в каком вкусе будет тогда плавности и непременно сообщим свои впечатления иносородным читателям.

Что-же касается Петербургских, то наверное в каждой семье найдется, брат, сестра, муж или племянник, которого соблазняют красноречие афиш Ивана Ивановича (в большинстве случаев оправдывающегося на дядю) и который сообразит видное и слышанное членом своей семьи.

АНЕКДОТЫ.

Г-жа Сталь ненавидит Талейрана и, в свое время «Дельфин», вывела самое себя из лица геронии. а Талейрана в лиц старей богини бабы. Встретивши г-жу де-Сталь постыли выходя кини, Талейран сказал ей: представьте, сударыня, говорить, что в вашей книге мы с вами оба представлены пререзанными женщинами».

Один доктор рассказывал в обществе об одном высокопоставленном лиц «что его схватили сегодня за ворота за присвоение непринадлежащей ему вещи».

— Кто же мог схватить его и какую вещь могла присвоить себе такая известная личность?

— А схватили его смерть, а-то, что бы присвоил себя горячую, отбивал доктор.

Недавно в Америке укрался был локомотив и притом четыре пассажира, из которых старшему было не больше тридцати лет. Чудо это объясняется притом очень просто: мальчик пролезал в окно сараи, где стояли локомотивы, натравил один из них

68. Дѣтское длинное платье (princesse) съ отворотами.

Mme. Desges, въ Парижѣ.

Выкройки: Шпр. Стрел. — Ш. ш. 6 — 11, J — F.

На рис. 68 данъ красивый дѣтскій нарядъ, который можно сдѣлать изъ любой цвѣтной матеріи. Наша модель сшита изъ бѣлаго кашемира, съ бѣлыми шелковыми отворотами, перекладомъ, розеткой и кушакомъ изъ цвѣтнаго атласа. Открытый перекладъ платья, какъ и передъ левъ остается изъ бѣлаго вербена и отдѣланъ плахи изъ оборочками и цвѣтными розетками-фризами; переднее же полотнище платья спускается отъ отворота; на лѣвочкѣ также отвороты. Платье подобрано съ боникъ; изъ подъ платья видна юбка съ широкой пласовой оборочкой. На выкройкѣ ест. 6—11 дано платье съ отворотами; на лѣвѣ вставной перекладъ обозначенъ линіей, такъ что платье можно сдѣлать спереди съ застежкой, а отвороты нашить естественн. Юбка платья, которая кроится за одно съ лѣвомъ, показана на выкройкѣ по нѣкому длину, несостоящая длиною въ соответствующую ширину платья дополняется по указаннымъ отдѣльнымъ выкройкамъ. Лѣвъ шьется на подкладку; подкладка идетъ ниже талии на 4 центъ; юбка подшивается лосею. Дальнѣйшее выполненіе видно на рисункѣ и по выкройкамъ. Отдѣлка также ясно видна на рисункѣ. Этотъ изысканный нарядъ поновляется круглой шляпою, украшенною цвѣтной лентой и бѣлыми перьями; шнуръ дается изъ лисе или востора.

69. Вышитый ламбрекенъ для подоконниковъ, портьеръ, занавѣси и пр.

Наша модель вышита по крупной каннѣ высокими крестиками; каннѣмъ зубчикъ имѣетъ 4 центъ, высоты и 36 центъ ширины и изъ 3 — 4 такъихъ зубчиковъ состоитъ полная подушка на окно. Два близъ лежащихъ каннѣхъ простираются на одинъ каннѣхъ данаго узора. Этотъ узоръ можно вышить по желанію каннѣхъ бѣлыми шерстью обыкновеннымъ крестомъ, но тогда уже эта вышивка послужитъ украшеніемъ отворота, широкоты и пр.

Цѣла шерсть обозначена знаками подъ рис. 69. Отъ точнаго сочетанія цвѣтовъ зависить весь эффектъ узора.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.



Жители всѣхъ городовъ Россіи, кромѣ С.-Петербурга, желающіе купить эту швейную машину, или же принять на себя агентуру своей въ большихъ городахъ, благоволятъ обратиться къ ея Русскимъ агентамъ: компаніи Вильсона и Гибба, Ж. Б. ГОННЕ, въ Москву, на Кузнецкомъ, месту въ домѣ князя Голицына.

Такъ же видѣть всѣхъ знающихъ швейную машину Гуте младшаго и выборъ матеріаловъ для швейныхъ машинъ.

Объявленіи, помѣщающіяся въ настоящее время въ газетахъ, о имѣющихъ выйти въ свѣтъ Календаряхъ на 1869 годъ, ставятъ публику въ затруднительное положеніе относительно удачнаго приобритенія себѣ экземпляра одного изъ изданныхъ календарей, а потому я какъ издатель всѣхъ извѣстныхъ

„ВСЕОБЩІЙ КАЛЕНДАРЬ“

(ВЪ КРАСНОЙ ОБЕРТКѢ СЪ ЧАСАМИ)

Имѣю честь довести до свѣдѣнія благосклонной публики, что я приступаю къ изданію этого календаря и на 1869 годъ, въ которомъ будетъ помѣщено большое количество разнообразныхъ свѣдѣній, проверенныхъ по самымъ вѣрнымъ и послѣднимъ источникамъ, такъ что приобритѣть календарь моего изданія падаетъ въ немъ необходимую справочную книгу, которую доставитъ ему вѣрнѣйшія свѣдѣнія.



ВСЕОБЩІЙ КАЛЕНДАРЬ моего изданія, неимѣетъ ничего общаго съ издаваемыми календарями, подъ названіемъ: «Пятиквѣтный Всеобщій Календарь» и «Настольный Календарь», а потому желающимъ приобритѣть настоящий Всеобщій Календарь на 1869 годъ, поворѣтѣше прошу, во избѣжаніе ошибки при покупкѣ, спрашивать

ВСЕОБЩІЙ КАЛЕНДАРЬ изданія Германа Гонне.

Цѣна Всеобщему Календарю моего изданія: въ бумажкѣ безъ пересылки 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 30 к., въ папкѣ безъ перес. 1 руб. 25 к., съ перес. 1 руб. 50 к., въ коленкоревомъ переплетѣ безъ перес. 1 руб. 50 к., съ перес. 2 руб.

Всѣ перепечатки изъ моего календаря, т. е. контрафакцію, я буду преслѣдовать законнымъ порядкомъ.

Издатель «Всеобщаго Календаря»
ГЕРМАНЪ ГОННЕ.

РЪЗЕЦЪ для сниманія рисунковъ и выкроекъ, продается въ Конторѣ Редакціи журнала «МОДНЫЙ СВѢТЪ», у издателя Германа Гонне, по Вол. Сад. ул. д. Ильина №16
Цѣна 60 коп. сер., съ перес. 1 руб. сер.

КОСМЕТИЧЕСКИЙ и БЛАГОУВОННЫЙ МАГАЗИНЪ САВЛУКОВА,

въ Гостиномъ дворѣ по Зеркальной № 39
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Имѣетъ честь довести до свѣдѣнія почтеннейшей публики, что въ послѣднее время получили изъ всевозможныхъ духи, мыла и помады первѣйшихъ экзекютеровъ парижской выставки, а равно всякаго рода благагоныя товары, которые пользуются оптомъ и въ розницу по цѣнамъ самымъ умереннымъ. За связью и добросовѣстностью товаровъ, руководя. Прейскурантъ подробно составленъ, име да с. второгорудыхъ, высылается безвозмездно всѣмъ желающимъ на тотъ предметъ почтовую марку.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО РОССИИ. GUIDE DU VOYAGEUR EN RUSSIE.

PAR J. BASTIN;

avec l'indication des lignes routières de l'empire russe, un plan de St. Pétersbourg, un plan de Moscou, une carte de la Russie, un catalogue des tableaux de l'Hermitage et un petit guide de conversation franço-russe.

Въ англійскомъ переплетѣ.

Цѣна 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 к.

АЛЕКСАНДРЪ КАЧЪ, ФАБРИКАНТЪ МЕДЬЮРОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ и БРОНЗЫ,

Рекомендуетъ самый изящный выборъ всѣхъ вещей, имѣющихихъ серебро, по вкусу, выполненныхъ и не теряющихъ никогда своей цѣности, потому что прикупаются старымъ своимъ издѣліемъ, или на деньги, на полнѣе обротно.

Бронза въ новѣйшемъ стилѣ, самой тщательной и по вкусу, выполненной отдѣлки, съ рѣзательствомъ на хорошую посылку.

Кромѣ того магазинъ снабженъ и другими разными рода полезными вещами; цѣны поставлены всему съему самымъ умереннымъ.

Гг. изобрѣтателямъ по требованію высылается Каталогъ съ рисунками безплатно.

На Невск. прес. въ паротѣхъ Думѣ въ д. Рогова № 36.

Главная Контора Редакціи ГЕРМАНА ГОННЕ находится въ С.-Петербургѣ, по большой Садовой улицѣ въ д. Ильина, № 16.

Дополненіе изданія. С.-Петербургъ, 9 Сентября 1868 г.

Издатель Германъ Гонне — Редакторъ Ю. П. Понятовскій.

Типографія въ Литейной Киркѣ Кута, у Литейныхъ вѣст. д. № 48.